

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Значение религиозного чувства для мысли и нравственной деятельности человека

Опубликовано:
Христианское чтение. 1899. № 10. С. 675-696.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Значеніе релігійознаго чувства для мысли и нравственной дѣятельности человѣка.

(Психологическіе наброски).

ЗНАЧЕНІЕ релігійознаго чувства несомнѣнно и очевидно по вліянію его на человѣческую жизнь и дѣятельность. Въ борьбѣ съ релігійозными началами и порядкомъ жизни невѣры и сектанты оставляють почти единственно непрікосновеннымъ релігійозное чувство, и даже на тезисѣ о неизбѣжномъ и необходимомъ присутствіи его въ каждой душѣ основываютъ свое отрицаніе общеобязательныхъ релігійозно-церковныхъ формъ въ пользу субъективизма релігійозныхъ воззрѣній и отношеній. О воспитаніи релігійознаго чувства, какъ о необходимомъ условіи нравственной цѣнности человѣка трактовали и трактуютъ проповѣдники, моралисты и педагоги. Между тѣмъ, въ психологическихъ трудахъ замѣчается печальное невниманіе къ анализу релігійознаго чувства, какъ психологическаго момента. Надо сознаться, говоритъ Рибо, что изученіе релігійознаго чувства не особенно затрудняло психологовъ. Одни всецѣло его пропускають, другіе ограничиваются краткимъ упоминаніемъ, сдѣланнымъ мимоходомъ, причемъ они отмѣчаютъ 2 существенные элемента, изъ коихъ оно произошло—боязнь и нѣжную эмоцію, не входя ни въ разслѣдованіе разнообразныхъ отношеній этихъ двухъ элементовъ, ни въ тѣ многочисленныя трансформациі, которымъ они подверглись въ теченіе вѣковъ, путемъ присовокупленія другихъ чувствованій ¹⁾. Недостатокъ ученыхъ изслѣдованій тѣмъ ощу-

¹⁾ Психологи позитивной школы (Спенсеръ, Рибо), исходя изъ объекта

тительнѣй, сто при изученіи религіознаго чувства — очень сложнаго и зависимаго отъ множества явныхъ и тайныхъ факторовъ — два могущественныхъ орудія психологіи — самонаблюденіе и наблюденіе оказываются не вполне надежными. Самонаблюденіе вообще поражаетъ и ослабляетъ переживаемое чувство. Наблюденіе же затруднено отсутствіемъ общаго типа религіознаго человѣка, такъ какъ въ виду зависимости проявленій религіознаго чувства какъ отъ религіозныхъ представленій и идей, такъ и отъ культа и *обстоятельствъ личной жизни* — индивидуализмъ здѣсь, въ особенности, разнообразенъ. Кромѣ того, каждое отдѣльное проявленіе религіознаго чувства отличается сложностью — не только со стороны связанныхъ съ нимъ идей, но оно сложно само въ себѣ, въ своей силѣ, въ сцѣпленіи съ другими чувствами, въ преемственности эмоціальныхъ состояній, его образующихъ ¹⁾. По классификаціи проф. Владиславлева религіозное чувство складывается изъ слѣдующихъ чувствъ: 1) высокаго, 2) почитанія, 3) страха, 4) благоговѣнія, 5) смиренія, 6) вѣры, 7) надежды, 8) любви. Но указанные элементы, во-первыхъ, не принадлежатъ *исключительно* сферѣ религіозныхъ отношеній. Культивированье ихъ происходитъ на другихъ объектахъ и сочетаніе ихъ въ одинъ сложный психическій моментъ только вызывается религіознымъ чувствомъ, но не даетъ его. Определить *специфическое, не совпадающее, ни съ какимъ другимъ, несводимое ни на что иное, содержаніе* и характеръ религіознаго чувства, указать цѣнные и неизмѣнные общіе элементы во всѣхъ его видахъ, начиная съ примитивнаго,

религіознаго чувствованія разрабатывали исторію эволюціи религіозныхъ представленій и созданія вышнихъ отношеній къ божеству (культа). Русскіе психологи (Владиславлевъ, Снегиревъ, а также Ульрици) обращаютъ вниманіе на постепенное раскрытіе въ сознаніи смутно чувствуемой идеи Божественной личности.

¹⁾ „Самой высокой сложностью отличается религіозное чувство, потому что оно обладаетъ способностью производить, явившись въ душѣ, общій подъемъ всѣхъ силъ духа, затрогивая всѣ высшія стороны личности... Оно есть высшій во всѣхъ отношеніяхъ кульминаціонный пунктъ сердечной жизни и ея синтезъ“. *Снегиревъ*, Курсъ психологіи ст. 432. Сравни. *Ульрици*, Душа и тѣло, стр. 746: „сложностью религіознаго чувства, разнообразіемъ его моментовъ именно, объясняется психологическій фактъ, почему оно у различныхъ народовъ обнаруживаетъ столь различные оттѣнки. Различіе было бы невозможно, если бы религіозное чувство было безусловно просто“.

есть задача настоящаго очерка. Такая постановка вопроса необходима въ видахъ выдѣленія чистаго понятія объ элементѣ чувствъ изъ общаго понятія религіозности, такъ какъ извѣстно, что во всякомъ религіозномъ вѣрованіи необходимо присутствуютъ: интеллектуальный элементъ, составляющій объектъ вѣрованія, и *чувствованіе* — эмоціальный элементъ. У кого отсутствуетъ 2-й элементъ, тому извѣстно религіозное *чувство*. У него остаются абстрактныя, метафизическія концепціи. Отъ взаимоотношенія этихъ элементовъ зависитъ разнообразное состояніе религіозности или эволюція религіознаго чувства, которая опредѣляется 3 періодами: 1) періодъ конкретнаго воспріятія и воображенія, 2) періодъ абстракціи и средняго обобщенія съ присоединеніемъ моральныхъ элементовъ; 3) періодъ самыхъ высокихъ концепцій, гдѣ элементъ чувствованій все болѣе и болѣе улетучивается (Рибо). Два послѣднихъ момента отличаются несомнѣннымъ преобладаніемъ интеллекта. Посему мы остановимся только на вопросѣ о значеніи перваго момента—именно воспріятія, ощущенія,—открытія Бога чувствомъ.

Здѣсь прежде всего привлекаетъ вниманіе генетическое отношеніе между идеею Божества и самымъ религіознымъ чувствомъ, иначе сказать, мысль о томъ, чувство ли вызываетъ мысль на выработку и выясненіе идеи, или идея, сложившись въ сознаніи, зажигаетъ чувство. Для послѣдующихъ моментовъ въ развитіи религіознаго чувства вопросъ этотъ не имѣетъ значенія, такъ какъ психически сложившійся человѣкъ живетъ, по объясненію Ульрици, двойными чувствованіями, изъ коихъ одно обусловливаетъ представленіе, другое обусловливается имъ. Но на первыхъ ступеняхъ религіозной и психической жизни идея Божества можетъ быть получена или извнѣ—въ Откровеніи положительномъ, или же подсказывается чувствомъ, которое угадываетъ заранѣе великую проблему высочайшаго Существа; такъ что и откровеніе приноситъ лишь правильное познаніе объекта этой проблемы. Откровеніе само предполагаетъ въ человѣкѣ предрасположеніе и способность къ усвоенію его содержанія, т. е., съ одной стороны, потребность въ человѣкѣ религіозной жизни, съ другой—особаго рода духовной дѣятельности, которыя идутъ навстрѣчу откровенной истинѣ и дѣлаютъ ее собственностью духа. Это предрасположеніе и эта дѣятельность заключаются въ религіозномъ чувствѣ,

которое заставляет человѣка искать Бога ¹⁾). Поскольку въ психической жизни вообще инстинктъ предшествуетъ сознательности, направляя человѣка на достиженіе тѣхъ же объектовъ, что и сознательная жизнь,—постольку въ религіозномъ развитіи чувство предварительно усваиваетъ необходимость и неотъемлемость Бога, и изъ этого предварительно даннаго ощущенія интеллектъ уже рождаетъ идею Божества. Эволюціонная теорія позитивной школы, полагая источникъ религіи въ *страхъ*, тѣмъ самымъ склоняется къ утвержденію, что содержаніе религіознаго сознанія неясно дается въ чувствѣ, какъ *предшествующемъ*. Точно также Максъ Мюллеръ, настаивая на томъ, что смутное представленіе «божественнаго вообще» предшествовало раздѣльному понятію о богахъ, говоритъ: «религія *безконечнаго* предшествуетъ и заключаетъ въ себѣ другія, и такъ какъ *безконечное постигается* нашими чувствами, то изъ этого слѣдуетъ, что религія является развитіемъ чувственного воспріятія». (Ниже будетъ показано, что подъ чувственнымъ воспріятіемъ въ религіи нужно разумѣть не показанія внѣшнихъ чувствъ, а общее волненіе внутренняго чувства жизни (самочувствія) или *частнѣе*, «космическаго чувства жизни» (Гедедингъ). Это свойство религіознаго чувства, по которому оно въ своемъ ощущеніи Высочайшаго Безконечнаго даетъ смутно очерченный матеріалъ, изъ котораго опредѣляется уже религіозная *идея*, заставляетъ Ульрици понимать природенность идеи Бога не въ смыслѣ ясно данной идеи, а въ смыслѣ особаго тяготящаго и ищущаго Бога *чувства* ²⁾).

¹⁾ „Религія во всѣхъ ея формахъ, а также и строй жизни опредѣляемый ею, коренится въ особаго рода *спеціальной духовной дѣятельности*, возникающей изъ *самой природы* человѣка въ прямой зависимости отъ опыта внѣшняго... Этотъ особый родъ дѣятельности, открывающій человѣку прямо и непосредственно объектъ религіи—Божество—обыкновенно называется религіознымъ чувствомъ“. *Снегиревъ ibid.*, стр. 595). Сравни. Соч. *Кудрявцева-Платонова* В. Д., 1892 г. СПб. т. 2 стр. 281—300.

²⁾ Отмѣтивъ, что еслибъ идея Бога была врождена человѣку какъ ясно данное сознательное представленіе, было бы совершенно непонятнымъ разнообразіе и даже противорѣчіе религіозныхъ представленій, необъяснимое даже „гипотезою о помраченіи разума“ Ульрици говоритъ: „всѣ наши представленія, а съ ними сознаніе возникаютъ изъ чувственныхъ состояній и психическихъ чувствованій. Представленіе Бога не составляетъ исключенія, по крайней мѣрѣ, его не оказывается у дитяти, даже когда въ немъ пробудилось сознаніе. А принимать безсознательныя представленія есть *contradictio in adjecto*—безсознательныя представленія только ощущенія и перцепціи чувствованій... Человѣкъ,

Такимъ образомъ, неясное и смутное «предвѣдѣніе» Божества есть результатъ генетической первоначальности религіознаго чувства и въ то же время *данное этимъ послѣднимъ, количественное приобрѣтеніе* душевной жизни. Но оно есть въ то же время и *качественное* приобрѣтеніе, поскольку чувство религіозное ощущаетъ объектъ, какъ *единный и высочайшій*. Видимое отсутствіе въ мірѣ единства, подмѣчаемое интеллектомъ, получающимъ представленія объ ограниченныхъ разрозненныхъ вещахъ, должно мѣшать даже сознанію дикаря, изумляющагося каждому перевѣсу силы или величины, ожидать чего то единого, абсолютно сильнаго, скрывающагося за вещами. Завершеніе градаціи боговъ однимъ сильнѣйшимъ — во всѣхъ мифологіяхъ — признакъ того, что тогда какъ мысль поддается эффекту отдѣльныхъ обнаруженій отдѣльныхъ силъ, *чувство* именно *ждетъ* чего то *окончательнаго* и потому *единого* ¹⁾. «Разнообразныя, такъ называемыя естественныя религіи не покоятся, говорить Ульрици, какъ обыкновенно думаютъ, въ концѣ концовъ на боготвореніе и чисто естественныхъ только предметовъ или силъ природы, но вышли изъ представленія, хотя и *совершенно темнаго и неопредѣленнаго, о божественномъ вообще*, изъ представленія *о неизвѣстной позади явленій дѣйствующей силѣ* и сущности... они только уже въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія дошли до того, что стали смотрѣть на извѣстныя естественныя явленія, какъ на представителей этой безымянной божественной силы,

въ сознаніи котораго впервые всплыла идея Бога, никоимъ образомъ не могъ дойти до ней ни посредствомъ только созерцанія природы и человѣческой сущности, ни посредствомъ какого бы то ни было аргумента. И всѣ доказательства бытія Божія... оказываются настолько недостаточными, насколько они не только не доказываютъ первоначальнаго происхожденія идеи Бога..., но, напр., показываютъ, что познаніе Бога въ природѣ и исторіи вовсе не есть первоначальное схватываніе самой идеи, но только вторичное узнаваніе, подтвержденіе и удостовѣреніе въ томъ, что уже было *дано субъективно въ духъ*, хотя по началу только въ *качествѣ темной перцепціи чувствованіемъ* — вторичное узнаваніе, посредствомъ котораго на содержаніе непосредственнаго чувства только накладывается печать объективности и реальности“, *ibid.* Стр. 721—732.

¹⁾ „Смутная идея единой Божественной силы и даже единого всемогущаго начала несомнѣнно лежитъ въ основѣ всеобщей вѣры въ магическія дѣйствія и слова... человѣкъ смутно чувствуетъ присутствіе въ мірѣ самой высшей силы, какого то одного источника могущества“. *Снегиревъ, ibid.* 607 стр.

²⁾ *ibid.* 725 стр.

отождествляя ихъ съ нею» ²⁾). Мы видимъ, что радикалы естественно-научнаго направленія отрицаютъ бытіе Божіе именно въ силу естественной зависимости вещей другъ отъ друга, въ силу частичнаго отношенія между явленіями и вещами, т. е. разуму представляется только низшая степень единства, именно законмѣрное постоянство теченія міровой жизни, заключающее въ одинаковыхъ результатахъ сочетанія *отдѣльныхъ* силъ при тождественныхъ условіяхъ. Посему психологи единогласно заявляютъ, что идея высшаго единства—есть подарокъ религіознаго чувства, и показанія мысли не мирятся съ нимъ изъ-за желанія принизить единую міровую причину до вышеуказаннаго единства міровой жизни. «Религіозное чувство, говоритъ Ушинскій, старается представить многообразіе явленій въ единствѣ (по высшей причинѣ), посему оно основано на вѣрѣ, такъ какъ человѣку даны только единичные факты» ¹⁾. «Съ точки зрѣнія нашихъ нравственныхъ идеаловъ—читаемъ мы у Гефдингга—мы не въ состояніи объяснить реальнаго міропорядка, который несетъ съ собою какъ зло, такъ и добро, и который одинаково губитъ какъ великое и цѣнное, такъ и низкое и вредное. Поэтому религіозное сознаніе все больше и больше уясняетъ, что его взглядъ на бытіе можетъ удержаться только какъ выраженіе потребности чувства, завѣтнаго стремленія духа... Религіозное чувство можно назвать космическимъ чувствомъ жизни» ²⁾).

Вводя въ душу идею, идею всеобъемлющую по содержанію, несущую надежды и упованія, религіозное чувство оживляетъ и согрѣваетъ эту идею, благодаря чему въ душевной жизни совершаются другія количественно-качественныя пріобрѣтенія. Чувство, вызвавши мысль на составленіе представленія, отыскиваетъ напоминанія и намеки на объектъ его путемъ символики. Религіозное чувство пользуется каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы путемъ уподобленія указать сознанію на Божество. Впечатлѣніе, производимое на человѣка звѣзднымъ небомъ или видомъ взволнованнаго океана, Ульрици ³⁾ считаетъ результатомъ присущаго человѣку стремленія символизировать чувствованія безконечнаго существа Божія. Отъ этого частнаго

¹⁾ Ушинскій, Собр. педагог. соч. 169 стр.

²⁾ Гефдингъ, *ibid.* Очерки психологіи, основ. на опытѣ, 286.

³⁾ Ульрици, *ibid.* 740 стр.

могущаго то и дѣло мѣняться порыва къ символизациі представленія рождаются «стремленіе отлить идеальное и безконечное въ опредѣленные формы, чтобы чувство имѣло (конкретное) средоточіе. Укоренившіеся символы могут суживать и стѣснять чувство, вслѣдствіе чего оно всегда снова нарушаетъ ихъ и ищетъ новыхъ формъ для своего развитія» ¹⁾). Потому-то и религіозная идея отличается отъ другихъ идей: рожденная непосредственнымъ чувствомъ, она долго не разстается съ матерью и только тогда и живуча. Контролируя отношеніе этой идеи къ другимъ, религіозное чувство отзывается то страстною вѣрою, то сомнѣніями, то любовію, то жестокимъ фанатизмомъ и опять-таки служить къ количественному обогащенію душевной жизни *аффектами*, къ опыту души. Въ то же время оно возбуждаетъ религіозную идею къ всестороннему частнѣйшему раскрытію и приложенію и даетъ поводъ той душевной работѣ, которая носитъ названіе «выработки міросозерцанія». Не напрасно даже Шопенгауэръ признавалъ за религіей вообще значеніе суррогата философскаго объясненія и объединенія жизни. Громадное значеніе подъема и живости религіознаго чувства станетъ ясно изъ сравненія открытой страстности сектантовъ и ихъ жизненной послѣдовательности съ индифферентизмомъ интеллигентныхъ людей. Если въ политическомъ и общественномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніи сектанты вызываютъ неодобрительные отзывы, то въ психологическомъ отношеніи они дѣльныѣ и богаче. Религіозное чувство, значить, еще тѣмъ важно для человѣка, что къ каждому измѣненію въ міросозерцаніи, оно относится какъ къ потерѣ или приобрѣтенію и, такъ сказать, никогда не оставляетъ пробѣловъ и надорванныхъ связей въ пониманіи фактовъ, стремясь объединить на высшей идеѣ единства ²⁾). Такимъ образомъ, религіозное чувство, дѣй-

¹⁾ Ушинскій, Собр. педаг. соч. 169. Поэтому мы не можемъ согласиться съ проф. Снегиревымъ, который говоритъ, что культы „суть гипотезы, построенныя для уясненія безконечнаго существа“, см. *Снегиревъ, ibid.*, 605.

²⁾ „Религіозное чувство исполняетъ постоянный контроль надъ религіознымъ сознаніемъ, надъ сознательнымъ пониманіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ идеи Божества, потому что душа не можетъ сознать себя удовлетворенной и успокоиться, пока понятіе о Богѣ не получитъ содержанія вполне соответствующаго первоначальной опредѣленности чувствованія Бога“. Ушинскій, *ibid.*, 742.

ствительно, сливается съ вѣрою въ смыслъ жизни, которая побуждаетъ ученыхъ и философовъ построить универсальныя системы ¹⁾. Отличительною чертою его проявленія служить непостижимая грандіозность его объекта, вопросъ, скрытый въ безконечности и тайнѣ, тогда какъ универсальныя системы разума, ограничиваютъ матеріаль своей объединяющей дѣятельности главнымъ образомъ міромъ конечныхъ явленій.

Параллельно тому, какъ при посредствѣ религіознаго чувства доводится до сознанія данное, какъ внутреннее ощущеніе, воздѣйствіе наличности бытія Божія, параллельно растущему ожиданію сверхъестественной единой силы — въ человѣкѣ тѣмъ же религіознымъ чувствомъ, не находящимъ своего объекта въ наличной дѣйствительности, производится оцѣнка самой дѣйствительности. Ульрици представляетъ идею безконечнаго и идею конечнаго, взаимно обусловливающими другъ друга еще въ религіозномъ чувствѣ. Какъ вообще несомнѣнно, говоритъ онъ, что возникновеніе противоположныхъ представленій основано на актѣ взаимнаго различенія одного съ другимъ, такъ точно несомнѣнно, что сознательному представленію о конечномъ и безконечномъ должно предшествовать и лежать въ основѣ ихъ опредѣленное ощущеніе или аффекція

¹⁾ Во всѣхъ религіяхъ ихъ вѣроученіе и правоученіе, такъ называемыя, религіозныя системы создавались интеллектомъ, который развивалъ, объяснял и доказывалъ первичныя, выдвинутыя сознаніемъ, представленія. Но реформа этихъ системъ, требовавшая направленія мысли совершенно въ иную сторону, сторону критики, должна быть приписана всецѣло религіозному чувству. Само себѣ вѣрное и постоянное, какъ неясное ощущеніе и тяготѣніе къ Божеству, чувство первое подмѣчаетъ противорѣчіе извѣстныхъ, религіозныхъ представленій запросамъ души. Примѣръ фарисеевъ Христова времени, примѣръ резонеровъ и книжниковъ въ каждой религіи, подчасъ искренно предающихся своимъ мудрствованіямъ, показываетъ, что разуму особенно трудно отказываться отъ принятыхъ основаній и путей, и что онъ никогда самъ не отдается критически-безпощадной работѣ надъ всѣмъ своимъ религіознымъ богажемъ, если только не побудитъ его чувство сомнѣнія и безпокойства специфическаго, т. е. исканія Божества. Существованіе атеистовъ не опровергаетъ этого. Рибо говоритъ: „ни одинъ нормальный человѣкъ не можетъ быть чуждъ религіознымъ идеямъ... но онъ могутъ не оказывать на него никакого вліянія, могутъ оставаться въ его мозгу чуждой вещью, не вызывая никакой эмоціи, онъ могутъ быть постигнуты, но не прочувствованы“. Рибо, 281. О томъ же, Ульрици, 752.

чувствъ, такъ какъ различающая дѣятельность только и можетъ быть дѣятельностью, когда ей представляется матеріаль для различенія. Для конечнаго, условнаго намъ представляется этотъ матеріаль въ чувственномъ ощущеніи, а для безконечнаго, безусловнаго онъ можетъ заключаться только въ какомъ-либо опредѣленномъ чувствованіи, именно въ чувствованіи объективномъ, посредствуемымъ какимъ-либо *реальнымъ бытіемъ*. Это потому, что только объективное можетъ служить къ различенію объекта отъ другого объекта, къ достиженію объективнаго представленія. *Религіозное чувство, составляющее намъ возможность этого различія*, а слѣдовательно, и *пониманіе конечнаго*, какъ конечнаго, есть вмѣстѣ и *такое необходимое развитіе нашего сознанія*, нашего познаванія и знанія, что *безъ него мы не подвинулись бы выше степени развитія животныхъ*, потому что представленіемъ о конечномъ, какъ конечномъ, обуславливаются понятія о границѣ и предѣлѣ, о величинѣ, объемѣ и числѣ, мѣрѣ и степени, а слѣдовательно, всѣ основные элементы нашего познанія и науки въ такой степени, что безъ него невозможно было бы имъ возникнуть ¹⁾. Нельзя конечно, представлять, что религіозное чувство является единственною основою и исключительнымъ источникомъ нашего знанія окружающаго міра и тяготѣнія къ этому знанію. Но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, явившійся въ міръ, охваченный, какъ туманомъ, совокупностью міровыхъ явленій, — спервоначалу чувствуетъ свою противоположность чему-то для него неизбѣжному, съ чѣмъ онъ то и дѣло встрѣчается. Это неотъемлемое отъ каждаго факта жизни, каждаго шага, каждаго момента дѣятельности «что-то» — въ силу своего постоянства, въ силу отсутствія въ жизни пробѣловъ, когда бы не чувствовались міровыя отношенія въ тѣхъ или иныхъ формахъ, чувствуется, ощущается единымъ. Религіозное чувство, выдѣляясь изъ общаго чувства жизни, подхватываетъ это подозрѣніе космическаго единства и ищетъ въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ его воплощенія, но, знакомясь съ дѣйствительностью, какъ бы говорить душѣ: «это не то великое, чего я жду», и другія силы души, провѣряя это подозрѣніе религіознаго чувства, находятъ признаки конечнаго и ограниченнаго. Говоря фигурально: отъ порывовъ къ небу, мы при паденіи больше

¹⁾ Ульрихи, *ibid.*, стр. 742.

чувствуемъ землю. Отсюда поэзія великаго, восхищающая насъ при направленіи на предметы религіознаго чувства — вызываетъ по контрасту болѣе жгучее и рѣзкое пониманіе земной прозы, которое, къ слову сказать, слышится въ монашествѣ.

Отсюда понятно, что религіозное чувство (космическое чувство жизни, по Гефдингу) вовсе не есть обожаніе природы, имъ оно и не можетъ быть. Отсюда и пантеизмъ только соединяетъ Божество съ природой, какъ позолоту съ серебрянымъ кольцомъ. Религіозное чувство требуетъ безконечнаго и безнощадно отклоняетъ навязывающуюся на эту роль дѣйствительность, клеймя ее названіемъ «конечнаго». Оно постигаетъ дѣйствительность по контрасту своимъ ожиданіямъ. Поэтому-то Ульрици настаиваетъ, что откровеніе Бога душѣ проявляется именно въ чувствѣ безконечнаго. Отсюда онъ отрицаетъ, какъ уже было показано, натурализмъ, такъ называемыхъ естественныхъ религій и утверждаетъ, что природа только помогаетъ человѣку отдѣлать въ его сознаніи представленіе ея самой отъ представленія Божества, обнаруживая свое несоотвѣтствіе его ожиданіямъ.

Такимъ образомъ, религіозное чувство есть — помимо всего прочаго — источникъ религіозной идеи. Интеллектъ опредѣляетъ содержаніе волненія и вырабатываетъ самую идею въ опредѣленной формѣ. Но чувство не только указываетъ на существованіе «чего-то вѣчно единого», но и на количество его, какъ на его атрибутъ, а также устанавливаетъ, мало того — въ самомъ себѣ даетъ *отношеніе* къ нему (абсолюту). Относительно качественнаго оттѣнка самаго религіознаго чувства существуетъ нѣсколько воззрѣній. Такъ эволюціонная теорія считаетъ религіозное чувство только видоизмѣненіемъ чувства страха. Религіозное чувство въ такой формѣ предполагается у дикарей, дѣтей, предполагается на основаніи того, что ужасающія явленія природы вызываютъ сильнѣйшее впечатлѣніе, потрясеніе и уваженіе къ силѣ, и что «историками» замѣчено, что въ началѣ (религіозной жизни) обоготворяются преимущественно злые и страшные геніи; добрые и милостивые оставляются въ пренебреженіи ¹⁾. Предположеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ уже по принципу: если отношеніе предмета

¹⁾ Рибо, Психологія чувствъ, стр. 269.

къ личному благополучію обожающаго является поводомъ религіознаго волненія, то нужно бы ожидать обоготворенія полезностей и пріятнаго. Человѣкъ долженъ избѣгать опасности, а не обоготворять ее. Испуганный ребенокъ бѣжитъ отъ звѣря, отбивается, а не бросается на колѣни. Нельзя же предполагать на первыхъ ступеняхъ сознательной жизни столько пессимизма въ человѣкѣ, чтобъ, преклоняясь предъ опасностью, онъ этимъ самымъ признавался себѣ, что только одна страшная злая сила царствуетъ въ мірѣ. Этому мѣшаетъ уже одно то, что удобство и полезности жизни болѣе вліяютъ на человѣка, чѣмъ суровость и безжалостность природы, и ихъ человѣкъ всегда сѣищеть больше. Солнце свѣтитъ и грѣетъ чаще, чѣмъ гроза поражаетъ тварь. А колыбель человечества по самымъ разнороднымъ взглядамъ все же приходится тамъ, гдѣ природа вообще благосклонна. Наконецъ «подлецъ человѣкъ ко всему привыкаетъ» и даже въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находитъ себѣ успокоивающія обстоятельства¹⁾. Рибо говоритъ: «*Primus in orbe Deus texit timor*» — не абсолютно вѣрно, ибо въ боязни есть стремленіе къ удаленію, къ бѣгству и отвращенію, между тѣмъ какъ въ каждомъ культѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая надежда умиловитивъ самую зложелательную власть, сдѣлать ее сострадательной, а отсюда — *движеніе къ ней*. Позже это загадочное влеченіе становится наиболѣе существеннымъ»²⁾. Но Рибо напрасно называетъ это загадочнымъ. Человѣкъ потому и не бѣжитъ, а обожествляетъ, что чувствуетъ единство воли въ совершающемся, чувствуетъ, что «не убѣжишь никуда», что все — одна и таже и карающая и милующая невѣдомая сила. Страхъ здѣсь является только частичною формою религіознаго чувства по частному же случаю.

Другое мнѣніе относительно качественного оттѣнка самаго религіознаго чувства высказано въ русской литературѣ проф. Владиславлевымъ³⁾, который, опираясь, какъ на исходную точку, на сложившееся и развитое чувство, считаетъ его комбинаціей другихъ чувствъ, направленныхъ только на особый предметъ. По его мнѣнію религіозное чувство имѣетъ только относительное и условное право на самостоятельное мѣсто

¹⁾ Рибо, Психологія чувствъ, стр. 269.

²⁾ Рибо, тамъ же.

³⁾ Владиславлевъ, Психологія, т. I, стр. 601 и слѣд.

въ ряду другихъ чувствъ, на которыя оно распадается при анализѣ. Владиславлевъ считаетъ религиозное чувство именно вариацией интеллектуальныхъ чувствованій *высокаго* съ ихъ эстетическимъ характеромъ. Отсюда первымъ и основнымъ качественнымъ признакомъ религіознаго чувства является *удивленіе*, къ которому, по мѣрѣ раскрытія сторонъ и свойствъ въ религіозномъ представленіи присоединяются чувства: почитанія силы и величія вообще, — страха къ тому же высокому въ его суровыхъ проявленіяхъ, — благоговѣнія къ предполагаемому въ немъ (высокомъ) конечной цѣли и безусловному разуму, — смиренія отъ контраста при сравненіи себя съ нимъ; наконецъ, — вѣры надежды любви къ этому высокому, какъ нужному и цѣнному для человѣка.

Нельзя согласиться ни съ основнымъ воззрѣніемъ Владиславлева на несамостоятельность религіознаго чувства, ни съ его вторичнымъ положеніемъ о преобладаніи въ религіозномъ чувствѣ чувства *высокаго, великаго*. Вѣдь эстетическое чувство величія обусловливается отчужденіемъ предметовъ, какъ постороннихъ для субъекта объектовъ, какъ вещей, находящихся въ одной цѣпи, въ одномъ ряду «*явленій*» природы, при которомъ (отчужденіи) возможна сравнительная оцѣнка свойствъ ихъ. Но при пробужденіи чувства *высокаго* не предполагается и не ожидается *обязательности, необходимости, неизбѣжности* какихъ-либо отношеній къ носителю этого величія. Могучая глыба, выдвинутая землю изъ своихъ нѣдръ въ видѣ утеса *не тянетъ къ себѣ*, напротивъ, она отчуждаетъ, какъ великанъ, но красива и нравится именно своею грандіозною обособленностью: таже по количеству масса земли распластанная подъ моими ногами уже не будетъ красива, хотя бы на нашихъ глазахъ совершилось превращеніе неправильнаго одинокаго утеса въ ровный и низкій пласть. Но эта обособленность утеса, возбуждая чувство *высокаго, удивленіе*, не отражается, не чувствуется мною въ каждомъ шагѣ жизни. Я не ищу утеса, не чувствую себя неудовлетвореннымъ, не видя, не замѣчая своей связи съ нимъ; я безъ предубѣжденій, безъ предчувствій и ожиданій только *сдаюсь на навязываемое* мнѣ наличностью его впечатлѣніе и только истолковываю (какъ было сказано раньше о звѣздномъ небѣ и океанѣ) содержаніе своего волненія, пользуясь имъ для объяснительныхъ предположеній и символизаціи объекта религіознаго чувства.

Но религіозное чувство зоветъ человѣка къ «чему-то», подсказывая ему, именно и главнымъ образомъ, *отношеніе*, неотъемлемую связь съ этимъ «чѣмъ-то». Оно есть чувство *простой* (непосредственной) *зависимости*. Оно — не есть нѣжное влеченіе, но и не раболѣпство; оно захватывающее неизбѣжное, но и добровольное тяготѣніе, проникновеніе Высокимъ Неизвѣстнымъ; человѣкъ чувствуетъ себя постоянно соприкасающимся съ Нимъ. Отдаленное и, несомнѣнно, грубое подобіе можно видѣть въ примѣрѣ, когда отецъ, взявъ ребенка сзади за плечи, руководить его прогулкой. Ребенокъ знаетъ, что онъ идетъ самъ, идетъ впереди, а между тѣмъ чувствуетъ на плечахъ чужія руки и ихъ особенное пожиманіе при перемѣнѣ направленія или при своихъ порывахъ. Онъ переживаетъ разнообразныя впечатлѣнія отъ вещей, которыя непосредственно бросаются въ глаза, но хочетъ ли отстраниться отъ одной или порывается къ другой — онъ каждую минуту чувствуетъ чью то удерживающую руку. Это чувство простой, постоянной зависимости отъ «чего-то высшаго» (мы беремъ психологію человѣка, не имѣющаго религіозныхъ опредѣленныхъ представленій) и есть религіозное совершенно самостоятельное чувство. Противъ отождествленія этой зависимости, какъ всегда съ родомъ, съ чувствомъ частичной зависимости отъ вещей ¹⁾ говорятъ слѣдующія соображенія: 1) тогда какъ

¹⁾ Этому отождествленію нѣсколько благоприятствуетъ теорія происхожденія идеи верховнаго Провидѣнія, изложенная въ „Оправданіи добра“ *Вл. С. Соловьева*, который говоритъ „чтобы признать камень, кусокъ дерева или раковину за бога, т. е., за существо высшаго значенія и могущества, необходимо уже въ своемъ сознаніи имѣть понятіе о высшемъ существѣ. Я не могъ бы по ошибкѣ принять канатъ за змѣю, еслибъ у меня не было предварительнаго представленія о змѣѣ. Откуда же получается понятіе Божества?.. (вещи не имѣютъ признаковъ высшаго существа: понятіе врожденности не объясняетъ, такъ какъ спрашивается не о способности имѣть понятія о высшемъ существѣ, но о первоначальномъ ея примѣненіи)... Совершенно несомнѣнно, что для ребенка гораздо оощущительнѣе его зависимость отъ питающей и оберегающей его матери (а потомъ отца), чѣмъ отъ солнца, грозы или рѣки... Впечатлѣнія, изначала получаемыя отъ родителей, содержатъ въ себѣ достаточное основаніе, чтобы вызвать въ немъ понятіе о высшемъ существѣ и тѣ чувства благоговѣйной любви, а также страха передъ несоизмѣримой силой, которыя связаны съ этимъ понятіемъ и составляютъ основу религіозныхъ отношеній. Не въ видѣ случайныхъ фетишей и руководѣльныхъ идоловъ, а также не въ видѣ величественныхъ или грозныхъ явленій природы, а въ *живомъ образѣ* родителей вопло-

чувство *зависимости вообще* (отъ родителей, природы, общества) *съ теченіемъ времени ослабляется* въ виду раскрытія собственныхъ орудій жизненной борьбы въ интеллектѣ и физической энергіи и вслѣдствіе постепеннаго навыка подчинять себѣ явленія природы и жизни — религиозное чувство зависимости (отъ Высочайшаго Существа) все болѣе и болѣе укрѣпляется; 2) въ то время, какъ чувство внѣшней «міровой» зависимости подавляетъ человѣка, *заставляетъ его стремиться къ освобожденію* и подчиненію себѣ силъ природы — религиозное чувство съ теченіемъ времени окрыляетъ и возбуждаетъ духъ настолько, что онъ *стремится провести эту зависимость въ себя, согласоваться съ нею*; такъ что религиозный человѣкъ носить въ себѣ радость, что онъ можетъ усвоить себѣ высшую и великую волю и ея хотѣнія, которыя онъ чувствуетъ въ самой этой зависимости, дѣлать своими; что онъ пріобрѣлъ, такъ сказать, солидарность съ Высшею Волею, которая есть — вопреки вещественнымъ отношеніямъ — его же (человѣка) воля въ безконечно-совершенномъ видѣ, хотя она и дана совнѣ (вопреки пантеизму). Оттого, подчиненіе волѣ Бога въ христіанствѣ считается (и дѣйствительно есть) моментомъ внутренней свободы духа. Здѣсь открывается, хотя второстепенная, но очень важная черта самобытности религиознаго чувства, его своеобразной характеристики. Именно въ состояніи религиозной зависимости, какъ такомъ, нѣтъ ни удовольствія, ни неудовольствія, но только чувство неотъемлимости, необходимости и высшаго совершенства этой зависимости, и это именно чувство можетъ вызывать за собою удовольствіе, радость, содѣйствующую упорной и спокойной дѣятельности мысли и воли, замѣчающейся въ религиозно-настроенныхъ людяхъ.

щается для младенчествующаго человѣка идея Божества. Поэтому, вопреки господствующему мнѣнію, съ самаго начала въ религіи нравственный элементъ, имѣть хотя не исключительное, но весьма важное значеніе. По своей первоначальной идеѣ Божество имѣетъ характеръ Провидѣнія. Религиозное отношеніе дѣтей къ родителямъ какъ къ своему живому Провидѣнію, естественно возникающее въ первобытномъ чело-вѣчествѣ, проявляется съ полною ясностью и силою, какъ дѣти становятся взрослыми, а родители умираютъ... Но личность родителей естественно поглощается культомъ родителей отошедшихъ... отецъ при жизни становится только кандидатомъ въ боги"... „Оправданіе добра“. Спб. 1897 г., гл. IV, стр. 110—117.

Въ то же время религиозное чувство (неизбѣжной зависимости) характеризуется еще тѣмъ, что оно одновременно заявляетъ о себѣ сознанію, какъ чувство цѣннаго обладанія тѣмъ, что вѣчно со мною, близъ меня, во мнѣ, т. е., переходитъ въ чувство связи, дающей возможность не воспринимать только ея (зависимости) наличность, но реагировать на нее своимъ приспособленіемъ или усвоеніемъ ея, и здѣсь именно покоится начало этической дѣятельности, какъ *добровольнаго* стремленія стать въ соотвѣтствіе съ открытою религиознымъ чувствомъ, единою, всесовершенною и всеобъемлющею силою ¹⁾. Оттого-то религиозное чувство является для вѣрующихъ людей успокоительнымъ и радостнымъ. Не этимъ ли объясняется замкнутость иныхъ религиозныхъ людей, построившихъ свою религиозность на внутреннемъ сосредоточеніи и углублявшихся въ него до крайности (напр. исихасты, кветисты, брамаизмъ).

Такимъ образомъ, сознаніе «конечнаго», самосознаніе въ своемъ настоящемъ и возможномъ будущемъ,—вотъ еще духовныя приобрѣтенія, виновникомъ коихъ служить религиозное чувство. Мы уже сказали, что это послѣднее, внушая мысль о высшей силѣ и необходимости солидарности съ нею человеческой воли — тѣмъ самымъ является основою этической дѣятельности не въ смыслѣ позднѣйшей формы—повиновенія

¹⁾ „Нельзя остановиться, говорить Ульрици, на признаніи его (религиознаго чувства) за простое чувство зависимости и страха. Скорѣе же насколько при этомъ Божество въ силу своей духовной сущности проявляетъ себя, какъ равное и родственное человеческому духу по своей природѣ, на столько же и это чувство будетъ вмѣстѣ *чувствова-ніемъ богоподобія* и, значитъ, чувствованіемъ возвышающимъ, *сливающимся* при дальнѣйшемъ своемъ развитіи съ *чувствомъ человеческого достоинства*, которое основывается на этомъ Богоподобіи (на духовности, свободѣ и этическомъ опредѣленіи—сущности). Отсюда то *чувствованіе собственнаго субъективнаго возвышенія*, которое вызываетъ въ насъ видъ звѣзднаго неба и неизмѣримаго океана; отсюда впечатлѣніе подобнаго же субъективнаго возвышенія, всегда сопровождающее чувствованіе возвышеннаго, грандіознаго, непостижимаго; отсюда тотъ фактъ, что въ культахъ всѣхъ сколько нибудь развитыхъ религій предполагается и поощряется *возвышеніе души къ Богу*, вмѣстѣ съ чѣмъ подразумевается признаніе этого возвышающаго чувствованія за *существенный* элементъ религиознаго сознанія“ Ульрици, *ibid.* 744. Проф. Снегиревъ слѣдующими словами указываетъ на неизбѣжное отраженіе чувства зависи-

нравственному закону, совѣсти и чувству долга,—но въ смыслѣ жизни въ тонѣ религіозныхъ представленій и по нимъ. Представляя Бога чрезъ качественное и количественное продолженіе въ безконечность своихъ свойствъ и чувствуя въ себѣ Его отблески и Его дѣйствование, человѣкъ невольно воспринимаетъ себя въ силу подражанія. Превосходно объясняя неизбѣжную зависимость и связь религіи и нравственности, Ульрици говорить такъ: «изъ природы религіознаго чувства и составляющихъ его элементовъ само собою вытекаетъ его отношеніе къ этическому чувствованію, выясняется, что послѣднее съ религіознымъ чувствомъ состоитъ въ первоначальномъ единствѣ и что оно одного съ нимъ происхожденія. Это потому, что если въ религіозномъ чувствѣ непосредственно проявляется бытіе, существо и дѣйствование Божіе, и если черезъ это дѣйствование человѣкъ получаетъ не только опредѣленіе своей сущности вообще, но и этическое опредѣленіе своего существа и жизни, то и возникающее при этомъ чувство, хотя непосредственно оно можетъ быть только чувствомъ обязанности, однако посредственно становится вмѣстѣ и чувствомъ бытія Божія и притомъ даетъ указанія, идущія за предѣлы данной естественности человѣческаго существа, потому что этическое назначеніе человѣка есть лишь цѣль, цѣль еще не выполненная. Религіозное и этическое чувство взаимно дополняютъ другъ друга. Какъ чисто религіозное чувство въ качествѣ чувства влеченія къ единенію съ Богомъ, неизвѣстнымъ еще идеаломъ всякаго *совершенства*, находится въ отношеніи къ этическимъ идеямъ добраго, истиннаго и прекраснаго, такъ наоборотъ, и чувство должнаго непосредственно какъ бы тяготящее къ содержанію этихъ идей и обозначающее это содержаніе какъ то, что должно быть тѣмъ самымъ

мости отъ Божества на человѣческой личности, на *самочувствіи*: „Первоначальная *антропоморфность* (образа Безконечной личности), едва устранимая и на самыхъ высшихъ ступеняхъ религіознаго созерцанія и умозрѣнія, есть прямое послѣдствіе *прямой связи его* (образа Безконечной личности) съ *человѣческимъ самосознаніемъ*..... идея безконечной личности не можетъ быть устранена никакими усиліями и неудержимо возникаетъ въ душѣ такъ называемыхъ атеистовъ“. Снегиревъ. Курсъ психологіи 603—604. Нужно добавить, что эта антропоморфность возникаетъ вовсе не изъ обожествленія своего „я“ (по Фейербаху), но изъ стремленія поднять себя теоретически до *чувствуемаго* совершенства и человѣкообразную формулу этого совершенства поставить себѣ въ руководство.

указываетъ на долженствующее существовать царство истиннаго, добраго и прекраснаго, т. е. на царство Божіе ¹⁾).

Религіозное чувство, рождая восторги передъ безконечнымъ, ослабляетъ цѣнность земнаго бытія и индивидуальной воли, возбуждаетъ симпатіи къ тѣмъ сторонамъ нашего существа, въ которыхъ оно находитъ отраженіе Божества. Но одно открытіе въ себѣ этихъ свойствъ могло бы повести къ самодовольству, если бы религіозное чувство (побуждая мысль къ возможному выясненію образа Безконечнаго) путемъ возбужденія совокупности религіозныхъ представленій не напоминало бы объ этомъ высшемъ образцѣ нравственнаго совершенства. Этотъ образъ, вызванный чувствомъ, возбуждаетъ въ душѣ новую, можетъ быть, иначе не явившуюся дѣятельность самоусовершенствованія, богоподобія, на которой зиждется всякій прогрессъ духа ²⁾).

Все вышесказанное относится къ религіозному чувству вообще, внѣ той или другой исторической, этнографической, иначе сказать, субъективно-конкретной его формы. Но необходимо оговориться. Чувство побуждаетъ мысль къ выработкѣ религіозныхъ представленій и къ согласованію съ ними своихъ дѣйствій. Чувство, такимъ образомъ, не ошибается. Но въ представленія могутъ войти ложные матеріалы, и этическая дѣятельность, правая въ принципѣ и чистая въ источникѣ, можетъ пойти ложнымъ путемъ. Историческіе примѣры подтверждаютъ это. Боги классической древности, которая обожала личную, могучую силу подѣ формою вѣчнаго наслажденія, вызывали боготвореніе наслажденія. Здѣсь еще трудно видѣть сложившуюся мораль, трудно найти слѣды осмысленнаго эпикуреизма и приходится думать, что вакхическіе эле-

¹⁾ Ульрици, *ibid.*, стр. 748—754.

²⁾ Религіозное представленіе повсюду, гдѣ оно достигло нѣкотораго развитія, является въ то же время, какъ высочайшая этическая идея. Повсюду, гдѣ религія и нравственность въ своемъ, рука объ руку идущемъ развитіи поднялись выше самыхъ низшихъ ступеней понятія Бога означаетъ идеаль высшаго совершенства, то есть, той мѣры совершенства, къ которой способно въ то время мысль отдѣльнаго индивидуума, племени, народа“... Ульрици, *ibid.*, стр. 716 ср. Гейдунъ стр. 286: „нравственное чувство религіозно, заключая въ себѣ моментъ преданности и почтенія, нераздѣльный съ этимъ чувствомъ, а религіозное чувство нравственно, когда оно становится выше эгоистическаго суевѣрія и сентиментальной мечтательности“.

менты религіозныхъ представленій и вызывали вакхическую мораль, вмѣстѣ съ ея Геркулесами, Ахиллами, со всѣмъ героическимъ культомъ, построенномъ на обожаніи красоты и силы съ ея красивой стороны. Вѣдь и въ христіанствѣ, которое принесло въ міръ ясныя и опредѣленныя идеи и даже критическое отношеніе къ сложившимся взглядамъ сильнѣе давленіе религіознаго чувства, чѣмъ только одно сознаніе высоты нравственной системы. «Въ томъ, чего требуетъ мораль, не заключается достаточно гарантій для реализаціи ея въ жизни. Гораздо сильнѣе мотивы религіозныя... Религія говоритъ человѣку: ты можешь избѣгнуть человѣческаго суда, но никогда и нигдѣ не укроешься отъ взоровъ и суда Владыки вселенной» ¹⁾).

Доселѣ мы имѣли передъ собою двѣ метафизическія сущности: душевную жизнь, какъ совокупность силъ, способностей и состояній, безъ опредѣленнаго фактически-даннаго матеріала (*tabula rasa*), и религіозное чувство, какъ одну изъ силъ, дѣйствующихъ въ человѣкѣ. Оставляя эти двѣ сущности, такъ сказать, съ глазу на глазъ, мы хотѣли дать понятіе о томъ, что можетъ внести своего религіозное чувство въ зависимости отъ тѣхъ вторичныхъ, хотя неотъемлемыхъ и могущественныхъ факторовъ, которые въ дѣйствительности осложняютъ его и сопутствуютъ въ дѣятельности. Эти факторы надо было устранить, чтобы не приписать религіозному чувству лишняго значенія, которое можетъ быть создано спутниками. Разрѣшеніе этого вопроса особенно затруднительно при опредѣленіи вліянія религіознаго чувства на волю и дѣйствія человѣка въ отдѣльныхъ случаяхъ его жизни и вообще на складъ характера. Въ сочиненіяхъ нашихъ педагоговъ и богослововъ часто трактуется о воспитательномъ вліяніи религіи, обрядности, церковности, но не религіознаго чувства. Проф. Владиславлевъ придаетъ особенную цѣнность религіозному чувству, за то, что оно вноситъ успокоеніе и увѣренность, мѣшающіе тому скептицизму, который парализуетъ волю и задерживаетъ отдѣльныя дѣйствія. Хотя онъ самъ не скрываетъ того, что иногда вмѣстѣ съ задержкою скепсиса, мѣшающаго фактическимъ осуществленіямъ желаній, религіозное чувство

¹⁾ Проф. Гусевъ, Религіозность, какъ основа нравственности, 134—136.

ослабляетъ вообще теоретическую пытливость. «Вѣрующій, говоритъ онъ, убѣжденъ, что она (религіозная истина) есть все, что нужно знать ему, мало цѣнить — конечно не совѣмъ справедливо — истину научную. Не оправдывая его логически, мы понимаемъ однако такое настроеніе психологически» ¹⁾. Психологическою основою такого явленія служить то, что эмоціальный элементъ въ чувствѣ обратно пропорціоналенъ развитію интеллектуальнаго. Понятно, что у всякаго, религіозно настроеннаго человѣка, если даже его религіозныя представленія неясны или неправильны или сбивчивы нѣтъ мѣста разлагающей язвѣ сомнѣнія, его воля отличается большею интенсивностью и способностью къ активной дѣятельности. Такимъ образомъ, религіозное чувство есть своего рода регуляторъ въ хаосѣ плановъ, надеждъ, сомнѣній, мѣшающій человѣку дробить и ослаблять свою волю, соотвѣтственно разрозненнымъ мыслямъ. Задерживая и ослабляя разсудочно-аналитическое отношеніе къ вещамъ конечнаго міра, религіозное чувство, *въ силу того основного своего характера, что оно есть неясное сознание необходимости центра, объединяющей великой силы среди всего существующаго*, возбуждаетъ творческія, синтетическія способности и воображеніе ²⁾. Въ этомъ моментѣ религіознаго чувства заключается источникъ тѣсныхъ непосредственныхъ сношеній религіи съ искусствомъ; имъ объясняется тотъ историческій фактъ, что искусство вездѣ первоначально возникало изъ религіи и соединялось съ религіознымъ чувствомъ и представленіями. Неотъемлемое достоинство религіознаго чувства здѣсь заключается въ томъ, что оно способно сливаться съ самыми разнообразными чувствованіями, начиная отъ стыда, раскаянія, горя, гнѣва, до радости и даже веселья. Внося въ эти чувства свой объектъ, оно лишаетъ ихъ узко-индивидуальнаго характера, отчего гимны и молитвы такъ быстро обращались въ народное достояніе. Религіозному чувству человѣчество обязано прелестью

¹⁾ Владиславлевъ, *ibid.*, т. I, стр. 606; т. II, стр. 188, Сравни. Рибо, *ibid.*, стр. 275—6.

²⁾ „Идеализація относительно Высочайшаго Существа достигаетъ самыхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ она вообще можетъ развиваться. Воображеніе напрягается до послѣдней степени, представляя себѣ самую высокую граціозность, совмѣщающую въ себѣ непостижимую красоту, высшую цѣнность и многозначительность бытія или всю истину и безусловно-святую волю“ Владиславлевъ, т. II, стр. 186.

несравненной поэзіи въ священныхъ книгахъ евреевъ и индусовъ. Мифологія, легенды, сказанія, полныя таинственнаго и чудеснаго элементовъ обязаны своимъ происхожденіемъ *давленію религіознаго чувства на творчество и фантазію.*

Такое же централизирующее, объединяющее вліяніе оказываетъ религіозное чувство на образованіе характера и на проявленіе воли во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Для внутренней жизни души объединеніе, вносимое религіознымъ чувствомъ, заключается въ ограниченіи поля сознанія съ интенсивнымъ и господствующимъ религіознымъ представленіемъ, которое служить единственнымъ средоточіемъ и центромъ ассоціаціи. На дѣйствія и факты личной и общественной жизни религіозное чувство накладываетъ печать успокоенія и бодрости, ослабляющую силу горести и увеличивающую радости жизни (такъ какъ все пріятное считается дѣломъ милости Божества: «Богъ послалъ дѣтей, успѣхи»). Такимъ образомъ, религіозное чувство дѣйствуетъ укрѣпляюще на силы человѣка. «Оно, говоритъ проф. Владиславлевъ, вытѣсняетъ изъ сердца на продолжительное время всякія другія настроенія и заставляеть забывать мелкія требованія обыденной жизни; такъ какъ въ немъ съ религіознымъ чувствомъ высокаго дается и сильное нѣжное чувство, то оно отличается мягкостью и теплотою, благоговѣя мы привязываемся къ предмету нашего чувства. Съ другой стороны, благоговѣніе возвышаетъ душу, услаждаетъ, насыщая ее красотою. Минуты благоговѣнія оставляють человека морально лучшимъ. *Нравственное возрожденіе* многихъ, какъ это доказываютъ жизнеописанія святыхъ, нерѣдко начиналось съ моментовъ благоговѣнія ¹⁾). Другіе психологи стараются указать тотъ оттѣнокъ, который кладетъ религіозное чувство на весь обликъ человѣка. Преобладаніе этого чувства вызываетъ особое постоянное настроеніе, которое ослабляетъ влеченіе къ практическимъ интересамъ, въ виду того вышеизложеннаго факта, что религіозное чувство наполняетъ душу такими бодростью и надеждой, предъ которыми блѣднѣють мелкія радости, достигаемыя повседневною жизнью и «мір-

¹⁾ Владиславлевъ, *ibid.*, т. I, стр. 604. Срв. проф. Снегиревъ: „волненіе это пріятно потому, что порождаетъ чувство довѣрчивости, покоя, прибѣжища“, стр. 608.

скими» заботами. Чувство безконечнаго величія, существующаго внѣ насъ и въ то же время неотдѣлимо на насъ вліяющаго, подсказываетъ относительную цѣнность всѣхъ предметовъ человѣческой гордости и вожделѣнія и вызываетъ при проявленіи всѣхъ силъ и способностей ту *скромность*, то *смирение*, при которомъ каждая способность дѣйствуетъ спокойно, не напрягаясь до крайности (изъ самомнѣнія, т. е. изъ вѣры человѣка лишь въ себя). Здѣсь приходится оговориться, что религіозное чувство, соединяясь съ умственной, нравственной или нервною ненормальностью, можетъ приводить къ такимъ печальнымъ проявленіямъ, когда человѣкъ, чувствуя въ себѣ его объединяющую силу, отказывается отъ всякой обдуманной дѣятельности и жизни, отъ культуры своихъ желаній и дѣйствій, признавая, что всякій фактъ, какъ онъ есть, такъ значить и нуженъ. Индійскіе факиры, созерцательно-квіетистія секты (брамины, исихаты, испанскіе квіетисты) — примѣръ такого уклоненія подѣ вліаніемъ религіознаго чувства на характеръ. Съ психологической стороны, они понятны намъ и нельзя отрицать, что въ нихъ есть богатство внутренняго религіознаго одушевленія (какъ и въ прот. Аввакумѣ). Правда, это смиреніе—сознаніе собственной малости—можетъ иногда переходить въ патологическую форму подавленности, въ пассивное состояніе, когда происходитъ ослабленіе всякой вообще самоувѣренности и предприимчивости. Это часто можно замѣтить, среди «маленькихъ и незамѣтныхъ» людей. Условія и обстоятельства жизни, угнетающе дѣйствующія на ихъ самочувствіе, сами по себѣ ослабляютъ жизнедѣятельность и наступательную борьбу съ жизнью. Религіозное чувство здѣсь часто спасаетъ отъ отчаянія, но часто человѣкъ за девизомъ «да будетъ воля Божія» прячется при первой же неудачѣ съ облегченнымъ утѣшеннымъ сердцемъ опуская боевое оружіе¹⁾ Въ человѣкѣ атрофируется инстинктъ самосохраненія и самозащиты и происходитъ оскудѣніе въ желаніяхъ и стремленіяхъ. Здѣсь-то и есть ненормальное уклоненіе религіознаго чувства къ суевѣрію.

¹⁾ Владиславлевъ, т. I, стр. 605.

Таковы состоянія пассивнаго смиренія.

Но въ натурахъ съ нормальною, не ослабленною, волею смиреніе, необходимо сопутствующее религіозному чувству, созидаетъ «новый характеръ», т. е. вызываетъ новыя душевныя свойства и можетъ быть весьма дѣятельнымъ, проявляясь въ самоотреченіи и организованномъ, систематическомъ аскетизмѣ. Тогда какъ холодный въ религіозномъ отношеніи человѣкъ лишенъ возможности освободиться отъ гнетущаго чувства совершенныхъ ошибокъ (грѣховъ), религіозное чувство, подсказывая самообвиненіе, покаяніе, сокрушеніе, утѣшаетъ, вызываетъ надежду на разрывъ (освобожденіе) съ прошлымъ. Тѣ пожертвованія, которыми богатые люди стараются ослабить свое грѣховное прошлое, суть только примитивныя приемы, въ коихъ проявляется активность религіознаго смиренія. Въ натурахъ чистыхъ, неспособныхъ на компромиссы, религіозное смиреніе вызываетъ жертвы (напр., постриженіе Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»). При этомъ на раскрытіе стихійныхъ силъ въ человѣкѣ оно дѣйствуетъ ограничительно: естественнымъ порывамъ широкой натуры оно противопоставляетъ образъ воздержности, терпѣнія и самоограниченія; впечатлительность предупреждаетъ намекомъ на возмездіе, самодовольную жизнерадостность пристыжаетъ указаніемъ на существованіе высшей сферы и радости жизни.

Потрясая, производя въ душѣ катастрофу и ломку прежней самоувѣренности, прежнихъ плановъ и гордости, оно направляетъ всю силу и упорство энергіи на борьбу съ несовершенствами природы. Сила и грандіозность религіознаго переворота подъ вліяніемъ пробужденія религіознаго чувства, какъ проявлялся этотъ переворотъ въ русскихъ людяхъ, ярко выражены въ стихотворномъ разсказѣ Некрасова объ обращеніи на истинный путь разбойника Кудеяра или въ его же словахъ о сборщикѣ Власть:

„Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была“.

Эта способность религіознаго чувства вмѣстѣ съ сокрушеніемъ (т. е. смиреніемъ, какъ антиподомъ благоговѣнія) возбуждать твердую надежду на возможность возрожденія

является благодатною силой. Изъ постояннаго ощущенія существованія безконечно высшей и святой воли и своего несравненнаго ничтожества рождается полусознательное, но неотступное отношеніе къ человѣческимъ дѣламъ и поступкамъ, какъ къ *печальнымъ опытамъ способной къ большому и большому прогрессу человѣческой воли*. Слѣдовательно, даже въ человѣкѣ съ небольшимъ запасомъ энергіи религіозное чувство возбуждаетъ активность, но только въ опредѣленной нравственно-созидательной сферѣ. Отсюда понятно то своеобразное вліяніе религіознаго чувства, которое, при созиданіи «новаго характера» усиливаетъ одни стороны человѣческаго существа предпочтительно предъ прочими, развивая ихъ частнымъ упражненіемъ. Такъ воспитываются вѣра, надежда, благочестіе и вообще склонность умѣрять скептическое и критическое отношеніе къ «дорогимъ святынямъ» человѣка, чуткость къ отношеніямъ другихъ къ «святынямъ» субъекта и иногда нетерпимость и религіозный ригоризмъ. Но какой великій подарокъ получаетъ душа отъ религіознаго чувства въ томъ одушевленіи, которое вызываетъ къ жизни всѣ лучшія дѣятельныя стремленія, когда человѣкъ становится не только впечатлителенъ и отзывчивъ, но ищетъ случаевъ, куда бы ему внести свою психическую энергію. Исторія не часто даритъ человѣчество такими примѣрами, но появленіе ихъ въ міровой жизни создавало эпохи, а сами они, окруженные ореоломъ святости и праведности, запечатлѣны безсмертною славой. Праведники не имѣли опредѣленныхъ задачъ дѣятельности, ничего не организовали, но были «всѣмъ вся». Ихъ дѣятельныя отношенія ко всему существующему познать устами св. І. Дамаскина опредѣлили такъ:

„Когда бы могъ весь міръ обнять я,
 Всю душу вмѣстѣ съ вами слить,
 Когда бы могъ въ свои объятья—
 Васъ всѣхъ: враги, друзья и братья
 И всю природу заключить!“

Такимъ образомъ, религіозное чувство есть великая психическая сила, о правильномъ и осторожномъ воспитаніи которой необходимо заботиться тщательно и обдуманно. Оно несетъ съ собою еле уловимое и многими мало сознаваемое

объединеніе совокупности изумительно разрозненныхъ мыслей, чувствъ, желаній и поступковъ въ волѣ безконечно высшаго Существа. Оно связываетъ три *окончательныхъ* вопроса: откуда все, куда и къ чему (т. е. прошедшее, будущее и настоящее) и по характеру этихъ вопросовъ можетъ быть названо эсхатологическимъ. И такъ какъ никакой человѣкъ не свободенъ отъ такихъ вопросовъ, то оно необходимо присуще каждой человѣческой психикѣ и только рѣшеніе этихъ вопросовъ, т. е., удовлетвореніе чувства можетъ быть разное: или аналитическое (научно-философское), или синтетическое (поэтически-религіозное). По своему же «захвату», т. е. вліянію на всѣ остальные психическія силы и способности, оно можетъ быть названо, выражаясь научнымъ терминомъ, «равнодѣйствующею силъ». Мы указали богатство вносимой религіознымъ чувствомъ въ душу жизни, но указали и тѣ уклоненія, которыя могутъ истекать или отъ матеріала, изъ котораго будутъ составляться религіозныя представленія, вызванныя религіознымъ чувствомъ, или отъ неправильнаго развитія въ душѣ самого религіознаго чувства.

Поэтому, понятно, какой серьезный вопросъ для педагогики составляетъ религіозное чувство и его правильное воспитаніе.

И. Пер—зевъ.

Казань—Тула.
1898 года.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки